

Цивилизация не равнозначна религиозной принадлежности

В.Г. Хорос, доктор исторических наук

У меня тоже много несогласий с докладчиком, о чем я скажу ниже. Но сначала о том, что в докладе мне импонирует. Прежде всего — серьезность подхода к цивилизационному дискурсу, цивилизационной проблематике, признание ее важности и актуальности, даже — призыв переводить цивилизационные категории в основания для практического действия. Правда, далее этого призыва Андрей Николаевич в докладе не идет, но трансформировать цивилизационные штудии в императивы реальной политики, действительно, весьма сложно. Как человек, уже скоро десятилетие курирующий большой научный проект «Цивилизации в глобализирующемся мире», могу утверждать это совершенно определенно.

Далее. В докладе есть ряд интересных идей. Например, сопоставление восточного и западного христианства, первому из которых присущи «антропологический максимализм», вера в возможность преображения человека, его «обожения», его неотмирности, а второму — то, что докладчик называет «антропологическим минимализмом», т. е. низведением человека к его частным проявлениям (хомо экономикс, хомо политикус и т. д.). Пожалуй, лишь вместо термина «минимализм» лучше говорить о редукционизме, инструментальном понимании человека. Но сама мысль вполне понятна и верна. Есть и другие интересные положения.

И, тем не менее вся, конструкция «восточнохристианской цивилизации», возведенная докладчиком, не выглядит убе-

дательной и жизнеспособной. Примечателен ее организационный аналог, на который ссылается Андрей Николаевич, — Европейская межпарламентская ассоциация православия; о ней, наверное, мало кто вообще слышал. И уж совсем странно звучит «поствизантийское содружество наций», плод воображения некоего исследователя. Хотя докладчик — не пионер в данной проблематике. Можно вспомнить покойного А.С. Панарина, писавшего о «православной цивилизации»¹. Но реально и там, и тут речь идет прежде всего о российском материале.

В методологическом плане сомнительность подобного замысла заключается в том, что цивилизация не равнозначна религии, религиозной принадлежности. В эту ошибку, кстати, впал С. Хантингтон, ранжировавший цивилизации по религиозному признаку. Но дело в том, что даже в исламском мире, ареале, где религиозное и цивилизационное очень близки друг другу (поскольку ислам как религия претендует на то, чтобы охватить и контролировать все сферы человеческого бытия), в различных регионах ислам как религия обладает разной степенью «чистоты» и нередко принимает в себя те или иные ценности и институты местных религий и религиозных культов, что, естественно, видоизменяет политические, хозяйственные и иные ценности и институты.

Что же касается, в частности, России — бесспорного «ядра» православного мира, — то ее базовые цивилизационные основы, помимо православия, включают по меньшей мере еще два «кита» — общинность и «державность» (имперскость или что-то подобное). И поэтому, я полагаю, мы имеем право говорить о Российской цивилизации, что признавали еще классики (О. Шпенглер, А. Тойнби). Греция, хоть и православная страна, по большинству других характеристик относится к западноевропейской цивилизации. К ней же примыкают и Польша с Чехией, несмотря на «славянскость».

---

¹ *Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.*

Болгария или Румыния, хоть в основном исповедуют православие, — скорее промежуточный вариант, «лимес», социокультурное пространство между Европой и Россией. Такая картина представляется не только более привычной, но и более правильной.

Другие замечания — может быть, более частные, но, тем не менее, немаловажные. А.Н. Окара считает, что модернизация (он, правда, употребляет термин «постмодернизация», но такого понятия в научной литературе нет и смысл его просто непонятен) как «развитие на основе собственной идентичности», «гибкое сочетание ценностей традиционного и модернизированного обществ, как правило, не обладает высоким модернизационным потенциалом», как бы неконкурентоспособна. Это очень странное мнение. Исторический опыт свидетельствует об обратном: успешная модернизация имела место как раз в тех странах (Япония, Индия, Китай), которые сочетали перенимание технологического и организационного опыта более развитых стран с опорой на базовые ценности собственной цивилизации. Достаточно вспомнить японскую формулу «*вакон эсай*» — японская этика плюс западная техника.

Далее. Докладчик полагает, что сейчас «будущее можно создать — спроектировать и воплотить скоординированными усилиями относительно немногочисленного «креативного класса». Это заблуждение. Спроектировать — да, но «воплотить», «создать» может только общество в целом, по крайней мере, его большинство. Заблуждение, кстати, очень характерное для нашего времени, когда очень распространены взгляды насчет того, что значимы лишь немногие «креативщики», элита, а все остальные являются «быдлом».

Еще один момент. Отмечая слабость и недостаточную субъектность «восточнохристианской общности» (читай: России) в межцивилизационном противостоянии с Западом, Андрей Николаевич выражает надежду, что все это может быстро измениться, и наш непредсказуемый мир («глобаль-

ная турбулентность») «дает возможность, условно говоря, последним оказаться первыми». Не знаю, на чем основана эта надежда, но мне это очень напоминает лозунги наших чересчур усердных патриотов относительно того, что Россия не только преодолет кризис, но и должна спасти весь мир. Я думаю, что сегодня нам стоит заботиться прежде всего о своих бедах и проблемах и не стремиться «в Гренаду пойти воевать».

Андрей Николаевич заканчивает длинным перечнем «плюсов и минусов» — возможностей и рисков, слабостей и угроз применительно к восточнохристианскому миру. Но никаких выводов отсюда не следует. И это неслучайно: трудно сказать что-либо определенное о перспективах неработающей конструкции. Но, опять-таки, еще раз: это обстоятельство не зачеркивает того интересного, что наработал автор, занимаясь данной проблемой.